

■ ■ ■ Фактор социализации ислама в геополитике Центральной Азии

Махмутов Р.Р.¹, Салиев А.А.²

1. Институт стратегического анализа и прогнозирования, Москва, Российская Федерация.
2. Институт стратегического анализа и прогноза, Бишкек, Киргизская Республика.

Аннотация. В рукописи рассматривается социализация ислама в контексте геополитических процессов с акцентом на социокультурную составляющую межгосударственных взаимодействий в Центральной Азии. На основании рассмотрения текущего состояния процессов религиозной социализации и религиозной политики в республиках Центральной Азии авторы делают вывод, что эти процессы в странах региона в рамках ЕАЭС наиболее продуктивны при использовании новых коммуникативных подходов, позволяющих купировать деструктивные и радикальные религиозные тренды, а не их замалчивание или игнорирование. Уникальность новой социализации ислама как безусловного коммуникативного межгосударственного механизма сдерживания радикальных исламских течений заключается в том, что впервые реализуется идея, предполагающая решение проблемы терроризма и экстремизма, не связанная с запретом религиозных организаций и применением силовых методов. Авторы подчеркивают необходимость корректного, активного и последовательного использования религиозной составляющей в межгосударственных интеграционных взаимодействиях на социальном пространстве Центральной Азии. Это особенно важно при использовании цифровых методов взаимодействия с акторами социального действия в условиях гибридных коммуникаций и обострения геополитической ситуации.

Ключевые слова: религиозная социализация, социализация ислама, акторы социального действия, гибридная коммуникация, межгосударственные взаимодействия, интеграция, Центральная Азия, ЕАЭС, геополитика

Для цитирования: Махмутов Р.Р., Салиев А.А. Фактор социализации ислама в геополитике Центральной Азии // Коммуникология. 2022. Том 10. № 3. С. 54-66. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-3-54-66.

Сведения об авторах: Махмутов Руслан Рашидович – заместитель директора Института стратегического анализа и прогнозирования, аспирант РАНХиГС; Салиев Аман Акылбекович – кандидат исторических наук, директор Института стратегического анализа и прогноза. Адрес: Киргизская Республика, г. Бишкек, проспект Чуй, 42. E-mail: 7900900rus@gmail.com; a.saliev.77@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2022. Принята к печати: 16.08.2022.

Введение. Исторически ислам оказывал значительное влияние на социально-политические взаимодействия государств Центральной Азии. Это было заметно и в период их включения в состав Российской империи, и в Советском Союзе. Причины этого исследователь Э. Габдуллин видит в: «геополитически выгодном»

расположении этого региона «между Россией, Китаем, Ираном и Кавказом», в огромном «энергетическом и природно-ресурсном потенциале, транспортно-транзитных возможностях», а также в «близости к очагам вооруженных конфликтов», значимо воздействующих на безопасность в мире, поскольку здесь пересекаются геополитические интересы многих стран, включая Россию, Китай, Евросоюз, США, Турцию, Иран [Габдуллин: 26-27].

После распада Советского Союза страны Центральной Азии вынуждены были самоопределиться, выбрать самостоятельно цивилизационные основания своего развития. По мнению российского политолога В.Н. Ушакова, «этот процесс невозможно рассматривать в отрыве от довольно сильной исторической исламской традиции народов Центральной Азии и, конечно же, не без учета так называемого “возрождения” ислама в регионе» [Ушаков: 7]. Российский исламовед А.В. Малашенко пишет о том, что «медовый месяц в отношениях между бывшими советскими республиками и мусульманским миром оказался коротким», на этом пространстве теперь активизировались арабские страны с сильными исламскими традициями, Турция, Иран и другие [Малашенко: 7].

Методология и Методы. Методология исследования религиозной социализации представлена российской исследовательницей Т.В. Склярской. Религиозная социализация определяется как «процесс вхождения человека или группы людей в религиозный уклад жизни, усвоение ими религиозных ценностей и норм поведения и, как следствие этого, изменение взаимоотношений с обществом, обусловленных исповедуемыми религиозными законами» [Склярская: 7], процесс «приобщения индивида к определённой религиозной идеологии»¹, «усвоения индивидом религиозных ценностей и норм» [Цыганенко], «формирование социальной компетентности человека посредством религиозных предписаний и норм поведения» [Сергеев: 8]. Е.А. Назарова, рассматривая процессы политической социализации обращает внимание на то, что важно не только восприятие и усвоение общественно-политического опыта предыдущих поколений, но и выработка индивидом способности отстаивать свои взгляды и интересы, что напрямую связано с политической активностью, рефлексией относительно дисперсии смыслом, с которой сталкиваются молодые люди [Назарова: 14].

Институционализация процессов религиозной социализации – процесс особенно значимый, поскольку «институт религии опосредованно отображает социальное знание, тем самым интегрируясь в сферу социально-когнитивных концепций, создает новый вектор взаимодействия и придает... качественно новый вектор развития в современном российском обществе» [Черная: 168]. При этом особенно важна «регулятивная функция религии», которая обеспечивает реализацию социального контроля преимущественно ненасильственным способом че-

¹ Кон И. Социализация // Энциклопедия Кругосвет [эл. ресурс]: <https://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

рез действие «принятых в обществе социальных норм поведения в рамках конфессий» [Черная: 170]. Механизм обретения исламской идентичности обеспечивается через «получение религиозного образования, изменение стиля и образа жизни и взаимоотношений с ближайшим окружением, специфику внешнего вида, выполнение пятикратной молитвы» [Сабирова : 458].

В статье используются материалы следующих исследований:

– «Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство», проведенное региональной экспертной группой «Алматы клуб» [Ногойбаева];

– «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества», проведенное АНО «Евразийское содружество» совместно с Международным исследовательским агентством «Евразийский монитор». Метод исследования: онлайн-опрос экспертов десяти стран евразийских интеграционных образований с участием России (N=60) [Василенко, Махмутов].

В статье применены методы цифровой социологии: Social Network Analysis, бесконтактная социология.

Результаты исследования

Позиции ислама в государствах Центральной Азии

Позиции ислама в странах бывшего Советского Союза за последние двадцать лет расширяются как в общественной, так и в культурной жизни. Подчеркнем, что несмотря на то, что религия в тот период не играла ведущую роль в политической и общественной жизни, социальная база ислама в Центральной Азии сохранялась на протяжении всего периода советской истории, несмотря на периодическое преследование религиозных институтов, противорелигиозную идеологию и социокультурные революции.

В период разрушения советской системы государственные институты постепенно начинают менять отношение к религии. Так, в Кыргызстане первый президент Аскар Акаев рассматривал ислам как культурную сферу, публично не молился, не совершал намаз.

Второй президент Курманбек Бакиев уже утверждает первый закон о свободе вероисповедания, а религиозность становится востребованной на политическом поле. Наибольший всплеск исламского дискурса наблюдался после событий 11 сентября 2001 года. В здании парламента Кыргызской республики открылась молельная комната. С одной стороны, ислам все больше обретает последователей, «привлекая их возможностью найти ответы на сложные вопросы и широкой социализацией», когда ты становишься частью сообщества верующих, а с другой, ислам связывают с идеологически негативной окраской, связывая его с характеристиками «экстремизма» и «терроризма» [Ногойбаева: 42].

Разрушение инфраструктуры, демонтажа и деградации производственно-экономического наследия СССР, сельского хозяйства и образования, деградация интеллектуальной прослойки в государствах бывшего Советского Союза, процессы систем образования и медицины усилили всплеск религиозной самоидентичности как способа психологической и социальной защиты индивида от «варварского» капитализма, социальной несправедливости, безработицы и передела собственности.

Новая социализация ислама как государственная политика

В этих условиях особенно острым встал вопрос о новых подходах к социализации ислама еще и в силу того, что такая работа не должна проводиться под кураторством западных штаб-квартир и центров, играющих двойственную роль в политике стран Центральной Азии.

Важность религиозного фактора социокультурной интеграции стран ЕАЭС обоснована в экспертном исследовании «Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества». Разработана система 22-х показателей мониторинга межгосударственного гуманитарного сотрудничества, состоящая из шести блоков. Показатель «Религия», определяющий конкретные факторы притяжения-отталкивания (религиозные взаимодействия и наличие религиозных конфликтов), находится по мнению экспертов, на втором уровне важности после языка и миграции, отражающих взаимодействие стран на уровне межличностной коммуникации. Средний балл оценки экспертов показателя «религия» по критерию важности – 4,1 (по пятибалльной шкале).

В октябре 2013 года исламский вопрос активизировал Президент Российской Федерации В.В. Путин. На встрече с председателями духовных управлений мусульман России в Уфе он предложил концепцию новой социализации ислама¹. Идея направлена на реализацию суверенитета российского духовного пространства, активное противостояние идеям радикального ислама, неформальных религиозных течений. Социализация на основе школы традиционного мусульманского богословия должна, по его мнению, формировать соответствующие модели социального поведения и духовно-нравственного воспитания верующих. Эти процессы тесно связаны с подготовкой кадров исламского духовенства, способного стать высоко авторитетными как в России, так и на всем постсоветском пространстве.

Образовательная и научная инфраструктура новой социализации ислама

Условия для новой социализации ислама определяют и возможную численность акторов социального действия. И один из ведущих вопросов – подготов-

¹ BezFormata, 11 января 2019 года [эл. ресурс]: <http://www.bashtribuna.ru/politika/3837-vladimir-putin-v-ufo-nuzhna-novaya-sotsializatsiya-islama> (дата обращения: 15.04.2022).

ка кадров, способных развивать данный процесс. Реализация возможности получения высшего образования в исламских ВУЗах – один из реальных шагов по воплощению новой социализации ислама. Значительно возросла численность мечетей и медресе, исламских учебных заведений, растет число отмечаемых религиозных праздников.

В России действуют:

- Московский исламский институт (МИИ);
- Российский исламский университет при Центральном духовном управлении мусульман (РИУ ЦДУМ, г. Уфа);
- Российский исламский институт и Казанский исламский университет (РИИ и КИУ – бывший РИУ, г. Казань);
- Дагестанский исламский университет имени шейха Мухаммад-Ариффа (ДИУ, г. Махачкала);
- Болгарская исламская академия (БИА г. Болгар, Татарстан) .

В странах СНГ получили известность такие мусульманские ВУЗы как Медресе «Мири Араб» (Бухара, Узбекистан); Ташкентский исламский университет (ТИУ, Узбекистан); Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак (Казахстан).

Концепции новой социализации в наибольшей степени отвечает Болгарская исламская академия, которая готовит магистров и докторов исламских наук не только для России, но и для всего постсоветского пространства. Следует отметить коммуникативную развитость данного учреждения. В составе преподавателей не только российское духовенство, но и ученые с мировым именем.

В то же время на настоящий момент исламское духовенство России вряд ли может в настоящее время претендовать на ведущую роль на постсоветском пространстве. Потребность поддержки образовательного направления в странах ЕАЭС достаточно велика. Так например, уровень знаний кыргызстанских священнослужителей, которые напрямую контактируют с верующими, оценивается как недостаточно высокий, «всего 20 процентов имамов имеют базовое религиозное образование». Именно поэтому с 2017 года фонд развития духовной культуры «Ыйман» стимулирует развитие священнослужителей, выплачивая им ежемесячную стипендию: муфтий получает 15 тысяч сомов, его заместители по 10 тысяч сомов, главные имамы мечетей по 10 тысяч сомов, имамы – по 5 тысяч сомов [Ногойбаева: 44].

Одним из научных центров по развитию кадров стал Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской Академии наук, объединивший российских арабистов и исламоведов по следующим направлениям: модели исторического развития арабо-мусульманских обществ; интеллектуальная история ислама; религия и общество в истории и современности Ближнего Востока; тренды социально-экономического развития арабских обществ; институты и политические системы Арабского мира; международные отношения на Ближнем Востоке и политика России; этнокультура и лингвистика Юга Аравии.

В числе приоритетных работ – «Золотая библиотека Ислама» на русском языке. В рамках Международного дискуссионного клуба «Валдай» Центр проводит ежегодного Ближневосточный диалог; Международный форум «Ислам в мультикультурном мире», всероссийскую научно-практическую конференцию молодых ученых «Осмысляя Восток». Ученые ЦАИИ выступают организаторами раундов Межпалестинских консультаций, межсирийских консультаций, Дартмутских конференций.

Налицо достаточно мощные инфраструктурные возможности, поддерживаемые институтами государства, но остается вопрос: заслуживает ли доверия российская теологическая школа ислама для мусульман постсоветского пространства, имеет ли она высокий авторитет на межгосударственном социальном пространстве? Может ли Россия через фактор новой социализации ислама выступить локомотивом в принципиально новых коммуникативных процессах межгосударственного взаимодействия? А потребность здесь несомненно налично.

Исламский вектор в межгосударственных взаимодействиях стран постсоветского пространства

1. В межгосударственных взаимодействиях наблюдается сохранение тенденций прежней ориентации стран постсоветского пространства на ведущие страны мира – на Россию, США и ЕС, а исламский мир находится на втором месте [Малашенко]. Это связано с цивилизационной направленностью современного развития на сохранение традиционной зависимости, выработанной в советский период. Центральная Азия для России выступает значимым регионом, связанным с ней экономическими, политическими и культурно-гуманитарными отношениями [Иванов].

2. В то же время Россия должна предпринять некоторые усилия для восстановления и поддержания статуса мировой державы в государствах Центральной Азии [Акимбеков: 76]. Необходимость этого обусловлена также проблемами обеспечения безопасности, так как «отсюда исходят как традиционные угрозы и вызовы, связанные с геополитическими и военными факторами, так и новые – экстремизм, наркотрафик, нелегальная миграция, экологические проблемы» [Белоглазов: 9–10].

3. Центральная Азия – идеологически однородна, это «единственный на постсоветском пространстве полностью мусульманский регион. Его политическая история неразрывно связана с исламом» [Белоглазов: 9].

4. В процессах социализации ислама следует учитывать позитивные социокультурные тенденции, в частности, сохранение на пространстве Центральной Азии традиционных ценностей. В подтверждение этого А. Салиев приводит высказывание известного политического деятеля США Патрика Бьюкенена в публикации «Смерть Запада»: «Исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно – желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Почти невозможно отыскать ныне европейское государство,

коренное население которого не вымирало бы, – и почти невозможно найти исламскую страну, население которой не возрастало бы с каждым днем. Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем позабыл Запад: «Нет иного мира, кроме сотворенного верой» [Салиев: 9].

5. Геополитические коммуникации в религиозных трендах и течениях со штаб-квартирами и центрами за пределами стран – членов ЕАЭС из Центральной Азии разноречивы и противоречивы. Весьма высок уровень взаимоотрицания и непризнания религиозных программ и доктрин друг друга. Примером тому является популярное в Кыргызстане религиозное движение «Таблиг Джамаат», выступающее с критикой в отношении салафитов. В то время как салафитские направления отрицают «Таблиг Джамаат» и считают их приверженцев еретиками. В соседних Таджикистане, Казахстане и Узбекистане «Таблиг Джамаат» находится под запретом, что тоже формирует определенную внутрирелигиозную специфику, которая существенно не влияет на снижение уровня радикализма, когда противники этого суфистского течения не встречают особого теологического сопротивления со стороны местного духовенства, за исключением случаев силового подавления со стороны органов безопасности государств. Последнее также не способствует идеологическому сопротивлению религиозным радикальным трендам, уводя представителей экстремистских движений в подполье и выставляя их в общественном мнении как мучеников, находящихся на «верном» пути. Напомним, что в свое время именно в Узбекистане, политика жесточайших репрессий в отношении верующих при прошлом президенте Каримове привела к появлению в республике подпольной вооруженной оппозиции, активисты которой присоединились к «Аль-Кайеде» в Афганистане, позже к ИГИЛ в Сирии, а ряд членов осели в странах Европы¹.

Наиболее активной и при этом крайне закрытой системой религиозно-гуманитарного характера является разветвленная международная сеть лицеев «Себат», духовным и официальным лидером которой считается Фетхуллах Гюлен, обвиненный властями Турции в подготовке переворота. В 2013 г. он был включен журналом Time в сотню «самых влиятельных людей мира»²³ и журналом Foreign Policy в список пятисот «самых влиятельных людей мира». В 90-е гг. прошлого столетия сеть лицеев «Себат» начала активно работать практически во всех республиках региона, однако со временем они были закрыты, за исключением ли-

¹ Архив ИСАП КРСУ (Институт стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете). Бишкек, 2014.

² 100 Most Influential People for 2013 // Foreign Policy [el. source]: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/the-fp-power-map/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Айнур-хазрат Биргалин: Фонд поддержки исламской культуры взял на себя самую важную для будущего уммы нашей страны миссию [эл. ресурс]: <http://www.islamfund.ru/news/aynur-khazrat-birgalin-fond-podderzhki-islamskoy-kultury-vzyl-na-sebya-samuyu-vazhnuyu-dlya-budushch> (дата обращения: 15.04.2022).

цев в Кыргызстане, где они были переименованы в «Сапат» и претерпели значительное изменение своей деятельности.

6. Общемировые стереотипы и антимусульманские тренды коммуникационных процессов поддерживаются, с одной стороны, недостаточно грамотными, а иногда и некорректными действиями государственных деятелей и силовых структур, ответственных за религиозную политику, а с другой стороны, исламскими вооруженными бандами, полностью или частично подчиненные спецслужбам или военным структурам западных государств и распространяющие религиозные догмы как инструмент для вербовки «людей без знаний». Просветительская деятельность с использованием социальных сетевых взаимодействий в процессах социализации ислама становится особенно значимой.

7. Следует учитывать негативную коммуникационную деятельность организаций другого типа, которые не проявляют себя как террористические, но в своей риторике активно популяризируют идеи прихода к власти через официальные выборы или путем любой другой не запрещенной законом деятельности, однако с последующим изменением государственного и конституционного строя. Примером тому служит партия «Хизб ут-Тахрир», признанная законодательствами стран ЕАЭС экстремистской. Негативную окраску организации придает ее неясная внутренняя иерархия с повышенным уровнем секретности, идентичная работе спецслужб, а также полная подчиненность адептов этого течения руководителям, находящимся за пределами стран деятельности ветвей этой партии. Интересно то, что в странах Ближнего Востока и Персидского залива популярность этого движения ничтожна и большинством исламских теологов оно рассматривается как еретическое и воспринимается как секта.

Социализация ислама: образовательные и просветительские проекты

В плане выявления проблем социализации ислама, подчеркнем, что несмотря на масштабное проведение подготовки кадров для мечетей, медресе и исламских учебных заведений в мусульманских университетах, академиях и научных учреждениях, кадры для широкой исламской социализации мусульманского населения нигде не готовятся.

Важное направление новой социализации ислама – подготовка кадров для широкой сети лицеев и учебных заведений среднего образования. Например для открытия средних специальных учреждений, колледжей и лицеев. Сеть кыргызско-турецких гюленовских лицеев «Себат» (16 лицеев, две международные школы Silk Road и Cambridge и международный университет «Ататюрк – Ала-Тоо» с ежегодным выпуском до 10 тыс. человек) была создана в 1992 году, чему достаточно настойчиво способствовали органы власти Турции, рассматривая их как часть своей культурной и идеологической экспансии. Однако принадлежность к «клубу» не обязательно предполагает неких тайных обязательств перед сетью Гюлена. Образовательные учреждения вполне могут выполнять функции социализации ислама в рамках национальных интересов стран, в которых они действуют.

А потенциал их достаточно объемный. В настоящее время все лицеи «Сапат» в Кыргызстане зарегистрированы в собственности граждан КР. 76% учителей представлены кыргызами. Мальчики и девочки обучаются отдельно, при лицеях есть очень хорошая система общежитий. Стоимость имущества «Себат» в Кыргызстане превышает 100 млн долларов, а численность персонала составляет свыше двух тысяч человек. Главное, что отличает данную сеть – это отсутствие коррумпции, свойственной множеству других местных учебных заведений. Окончание гуленовского лицея или вуза – это знак качества для новой волны политиков, которые пришли к власти после революций 2005 и особенно 2010 гг. Там сегодня учатся дети многих политиков, бизнесменов и культурных деятелей страны «без разницы партий и кланов».

В развитии социализации ислама может быть задействован потенциал общественных религиозных организаций и бизнеса. Одной из таких организаций является Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования России, созданный в 2007 году. Его деятельность направлена на развитие современной исламской культуры, духовно-нравственное воспитание молодежи, противодействие распространению экстремизма и терроризма. Потребность в изменении подходов в исламской социализации демонстрирует А. Вартумян: «Помимо сотрудников сферы образования, государство в основном доверяет профилактическую работу проправительственным патриотическим организациям и традиционному духовенству, связанному с муфтиярами. Однако эти акторы неубедительны для значительной части молодежи, которая не слишком им доверяет... Иногда это происходит из-за отсутствия у них необходимых аргументов, иногда – из-за боязни того, как на это отреагируют силовые ведомства» [Вартумян: 73]. По мнению председателя Духовного управления мусульман Республики Башкортостан Айнур-хазрат Биргалина особенно важны образовательные и просветительские проекты. «В свете современных трендов необходимо также обучать и имамов «риторике современности» – работе в социальных сетях, общению в сети интернет, использованию современных приложений и гаджетов в своей повседневной работе с прихожанами», поскольку «советы просят люди, которые порой стоят на грани и готовы сделать роковую ошибку: в сети к ним могли обратиться как вербовщики разных деструктивных сект и течений, так и всякого рода психически неуравновешенные люди – в каждом случае ответственность имама чрезвычайно высока. Именно поэтому уметь работать в социальных сетях – один из основных навыков имама после освоения необходимых знаний в Коране и фикхе»¹.

С 2014 года по инициативе президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева создан Фонд развития духовной культуры в Кыргызской республике как «юриди-

¹ Айнур-хазрат Биргалин: Фонд поддержки исламской культуры взял на себя самую важную для будущего уммы нашей страны миссию [эл. ресурс]: <http://www.islamfund.ru/news/aynur-khazrat-birgalin-fond-podderzhki-islamskoy-kultury-vzyl-na-sebya-samuyu-vazhnuyu-dlya-budushch> (дата обращения: 15.04.2022).

ческое лицо, преследующее социальные, благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно полезные цели исключительно некоммерческого характера» [Ногойбаева: 43-44].

Ассоциация предпринимателей-мусульман России также имеет высокий потенциал для социализации ислама. Она объединяет 6500 предпринимателей из 54 регионов России с предоставлением исламского (беспроцентного) финансирования. Новые форматы поведения распространяются через исламские принципы бизнеса (секьюритизация ислама): поддержание запрета на взимание ссудного процента (риба) по корану, Мурабаха (продажа с оговоренной маржой), Мудараба (долевое инвестирование), Мушарака (долевое участие), Иджара (аренда, лизинг), Сукук (пай, инвестиционный сертификат) [Андрианов: 769-772].

По мнению авторов статьи, для широкой социализации мусульманского населения необходимы более активные действия. В этом плане в России и в странах ЕАЭС недооценивается такое направление как обеспечение русскоговорящих мусульман исламскими богословскими сочинениями, переведенными с арабского языка. Эти переведенные издания могут стимулировать интерес к углубленному изучению русского языка и русской культуры как языка межнационального общения и служить фактором расширения межгосударственных коммуникаций и притяжения к ЕАЭС русскоговорящих мусульман всего мира и прежде всего постсоветского пространства.

Выводы. Проблемы ислама, мусульманской общины и пути их решения в формате новой социализации ислама, обозначенные президентом России В.В. Путиным, имеют огромное значение для республик региона Центральной Азии и особенно для членов ЕАЭС. Огромный позитивный потенциал, существующий в исламе, несмотря на все усилия руководства стран и общества, практически не был раскрыт за все годы независимости. Это определяет необходимость утверждения в составе стратегических приоритетов гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС тонкую координацию и согласованность ценностных основ религиозных организаций с учетом традиций всех ведущих конфессий Центральной Азии и особенно ислама, что позволит постепенно сформировать единое гуманитарное пространство. Современные сетевые форматы превентивной народной дипломатии наиболее продуктивны с использованием цифровых коммуникаций в целях рекурсивно распространяемых позитивно направленных социальных практик [Василенко, Махмутов: 97]. В цифровом обществе меняется роль и место человека, он начинает обретать новые качества, а сетевые коммуникации позволяют взаимодействовать более тесно, поскольку в сетевом обществе государственные границы отсутствуют. Но здесь необходимо создавать акторов социального действия нового типа, способных «конкурировать со СМИ за свою аудиторию и с политиками за свою публику», они должны «дифференцированно применять новые методы привлечения сетевых сообществ к конкрет-

ному цифровому сегменту и стимулировать «коммуникативный труд удерживаемой аудитории» [Василенко, Молчанова: 51].

Социализация ислама на сегодняшний день имеет под собой хорошую научную базу. Она, будучи видом религиозной социализации, есть часть социализации, являющейся отдельным междисциплинарным научным направлением. Согласованная, когерентная социализация ислама на территории Центральной Азии, построенная не на применении силовых методов, а на полноценном использовании потенциала религиозных организаций, может выступить механизмом сдерживания радикальных исламских течений в мире, решение проблемы терроризма и экстремизма.

Смысл социализации ислама заключается в создании механизма стимулирования повышения участия мусульманского сообщества в общественно-государственной жизни, включения традиций ислама в процесс строительства национальной идентичности на основе общих для региона и континента исторических нарративов, позволявших веками строить совместные культурные, деловые и государственные отношения между народами, населяющими территорию России, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и т. д.

Источники

Акимбеков С. (2000). Российская политика в Центральной Азии // Proetcontra. Т. 5. № 3. С. 75-88.

Андрианов В.Д. (2018). Исламский Банк развития (ИБР) и особенности исламского банкинга // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч.2 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. Москва. С. 756-773.

Белоглазов А.В. (2013). Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии. Казань: Казан. ун-т.

Василенко Л.А., Махмутов Р.Р. (2017). Стратегические приоритеты управления процессами гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС // Государственная служба. № 6. С. 91-97.

Василенко Л.А., Молчанова О.И. (2021). Влияние медиаконвергенции на субъектов публичного управления в России // Коммуникология. Т. 9. № 4. С. 40-52.

Вартумян А.А. (2018). Угрозы и опасности для России и ее южных регионов со стороны экстремистских и террористических групп и организаций сетевого типа // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч.2 / РАН ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. Москва. С. 70-74.

Габдуллин Э. (2011). Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. Т. 14. Вып. 1. С. 26-41.

Иванов И.С., ред. (2013). Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: Доклад №10/2013. Российский совет по международным делам; ИВ РАН. Москва. Малашенко А.В. (2007). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Мудрик А.В. (2011). Социализация человека: Уч. пос. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та.

Назарова Е.А. (2022). Информационные факторы политической социализации российской молодежи // Коммуникология. Т. 10. № 2. С. 13-22.

Сабилова Г.А. (2008). Мусульманские идентичности и дискурсивная традиция ислама в постсоветской России // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. С. 457-494.

Салиев А.Л. (2009). Демократические принципы функционирования отношений между государством и религиозными организациями (Приветственное слово) // Надлежащее управление в светских государствах с мусульманским большинством населения. Мат-лы междунар. круглого стола (Бишкек, 15–16 ноября 2008 г.).

Сергеев А.О. (1997). Социально-педагогическая деятельность современных христианских приходов (на материале России и Германии): Дисс. ... канд. пед. наук. Москва.

Склярова Т.В. (2009). Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. Вып. 4 (15). С. 7-17.

Ушаков В.Н. (2005). Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. Москва; Бишкек: Изд-во КРСУ (Кыргызско-Российский славянский ун-т).

Ногойбаева Э., ред. (2017). Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. Алматы, Казахстан.

Цыганенко Н.В. (2004). Особенности функционирования социального института религии: региональный аспект // Социология трансформирующегося общества. №4.

Черная Ю.В. (2010). Концепт социальных функций религии в трансформации социальной структуры российского общества // Система ценностей современного общества. № 10-2. С. 167-172.

■ ■ ■ Socialization of Islam In The Geopolitics of Central Asia

Makhmutov R.R.¹, Saliev A.A.²

1. Institute for Strategic Analysis and Forecasting, Moscow, Russia.

2. Institute for Strategic Analysis and Forecast, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Abstract. The paper examines the socialization of Islam in the context of geopolitical processes with an emphasis on the socio-cultural component of interstate interactions in Central Asia. Based on a review of the current state of the processes of religious socialization and religious policy in the Central Asian republics, the authors conclude that these processes in the countries of the region within the framework of the EAEU are most productive when using new communicative approaches that allow stopping destructive and radical religious trends, rather than hushing them up, or ignoring. The uniqueness of the new socialization of Islam as an unconditional communicative interstate mechanism for containing radical Islamic movements lies in the fact that for the first time an idea is being implemented that involves solving the problem of terrorism and extremism, not related to the ban on religious organizations and the use of force. The authors emphasize the need for a correct, active and consistent use of the religious component in interstate integration interactions in the social space of Central Asia. This is especially important when using digital methods of interaction with actors of social action in the context of hybrid communications and the exacerbation of the geopolitical situation.

Keywords: religious socialization, Islam, actors of social action, hybrid communication, interstate interactions, integration, Central Asia, EAEU, geopolitics

Inf. about the authors: Makhmutov Ruslan Rashidovich – deputy director of the Institute for Strategic Analysis and Forecasting, doctoral student, RANEPa; Saliev Aman Akylbekovich – CandSc (Hist.), director of the Institute for Strategic Analysis and Forecast. Address: Kyrgyz Republic, Bishkek, Chui ave, 42. E-mail: 7900900rus@gmail.com; a.saliev.77@mail.ru.

Inf. about the authors: Makhmutov Ruslan Rashidovich – doctoral student, RANEPa; Saliev Aman Akyzbekovich – CandSc (Hist.), director of the Institute for Strategic Analysis and Forecast. Address: Kyrgyz Republic, Bishkek, Chui ave, 42. E-mail: 7900900rus@gmail.com; a.saliev.77@mail.ru.

Received: 05.05.2022. Accepted: 16.08.2022.

References

- Akimbekov S. (2000). Russian policy in Central Asia. *Proetcontra*. Vol. 5. No. 3. P. 75-88 (In Rus.).
- Andrianov V.D. (2018). Islamic Development Bank (IDB) and features of Islamic banking. In: Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2. RAS INION. Dep. scientific cooperation; ed. V.I. Gerasimov. Moscow. P. 756-773 (In Rus.).
- Beloglazov A.V. (2013). Influence of Islam on political processes in Central Asia. Kazan: Kazan Univetrity (In Rus.).
- Vasilenko L.A., Makhmutov R.R. (2017). Strategic priorities for managing the processes of humanitarian cooperation between the EAEU countries. *Public Administration*. No. 6. P. 91-97 (In Rus.).
- Vasilenko L.A., Molchanova O.I. (2021). Influence of media convergence on subjects of public administration in Russia. *Communicology*. Vol. 9. No. 4. P. 40-52 (In Rus.).
- Vartumyan A.A. (2018). Threats and dangers for Russia and its southern regions from extremist and terrorist groups and network-type organizations. In: Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue 2. Part 2. RAS INION. Dep. scientific cooperation; ed. V.I. Gerasimov. Moscow. P. 70-74 (In Rus.).
- Gabdullin E. (2011). Central Asia: geopolitics, security, development scenarios. *Central Asia and the Caucasus*. Vol. 14. No. 1. P. 26-41 (In Rus.).
- Ivanov I.S., ed. (2013). Russia's Interests in Central Asia: Content, Perspectives, Constraints: Report No. 10/2013. Moscow: Russian International Affairs Council; RAS (In Rus.).
- Malashenko A.V. (2007). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Rus.).
- Mudrik A.V. (2011). Human socialization. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute (In Rus.).
- Nazarova E.A. (2022). Information factors of political socialization of Russian youth. *Communicology*. Vol. 10. No. 2. P. 13-22 (In Rus.).
- Sabirova G.A. (2008). Muslim Identities and Discursive Tradition of Islam in Post-Soviet Russia. In: Traditions and Innovations in Modern Russia. Sociological analysis of interaction and dynamics. P. 457-494 (In Rus.).
- Saliev A.L. (2009). Democratic principles of the functioning of relations between the state and religious organizations (welcome speech). In: Good governance in secular states with a Muslim majority population. Materials of the international round table (Bishkek, November 15–16, 2008) (In Rus.).
- Sergeev A.O. (1997). Socio-pedagogical activity of modern Christian parishes (on the material of Russia and Germany): Author's thesis. Moscow (In Rus.).
- Sklyarova T.V. (2009). Religious socialization: problems and directions of research. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogy. Psychology*. No. 4 (15). P. 7-17 (In Rus.).
- Ushakov V.N. (2005). Political Islam in Central Asia: main factors and prospects. Moscow; Bishkek: Publishing House of KRSU (Kyrgyz-Russian Slavic University) (In Rus.).
- Nogoibaeva E., ed. (2017). Central Asia: the space of "silk democracy". Islam and the State. Almaty, Kazakhstan (In Rus.).
- Tsyganenko N.V. (2004). Features of the functioning of the social institution of religion: a regional aspect. *Sociology of a transforming society*. No. 4 (In Rus.).
- Chernaya Y.V. (2010). The concept of the social functions of religion in the transformation of the social structure of Russian society. *System of values of modern society*. No. 10-2. P. 167-172 (In Rus.).